

Ичиги улыбнулся, несмотря на сложившуюся ситуацию. «Привет, Карин, как проходят каникулы?»

В трубке послышался смешок. "Старик хотел пойти на пляж, и мы пошли на пляж. Он был так увлечен этим, что бежал всю дорогу, споткнувшись о какую-то загорающую даму, и в итоге попал ей в лицо кучей песка. Пятнадцать минут спустя он лежал головой в песке с легкими солнечными ожогами и ушибами на яйцах. После этого наступил прилив и смыл его, прежде чем мы с Юзу смогли добраться до него. Послали поисково-спасательную команду, и мы вернули его через пять часов, он выглядел полумертвым и плакал по маме. Как тебе мой отпуск?"

Ичиги фыркнул, смесь веселья и раздражения переполняла его, как это всегда бывало, когда отец выкидывал какой-нибудь глупый трюк.

«Весело», - язвительно протянул он. «Надеюсь, остальные каникулы будут лучше».

Карин вздохнула с другого конца линии. "Никаких „остальных каникул“ не будет. Спасатели так разозлились на Козломордого, что вызвали полицию. Они обвинили его в домогательствах и нарушении спокойствия и запретили ему возвращаться. Сейчас мы собираем чемоданы. Возможно, мы остановимся по дороге домой, но вернемся через два, максимум три дня».

Сердце Ичиги гулко забилося в груди, а пальцы сжались вокруг мобильного. «Что?» прохрипел он.

«Я знаю», - пожаловалась Карин, не понимая его тона. "Мы здесь всего четыре дня, а нам уже запретили возвращаться. Я знала, что надо было снять комнату на двоих и собаку. По крайней мере, тогда он был бы на поводке».

Ичиги ненадолго прикрыл глаза, а когда заговорил дальше, его голос был тихим от напряжения. «Карин, мне нужно, чтобы ты ушла в укромное место. Пусть Юзу пойдет с тобой. Я должен тебе кое-что сказать».

Сестра сразу же замолчала, услышав в его голосе опасение. "Хорошо », - отрывисто произнесла она, и Ичиги услышал, как она встала. «Дай мне минутку».

Карин посмотрела в сторону, где Козломордый суеился на кухне, готовя обед в последнюю минуту, и напевал веселую, хоть и не очень приятную мелодию. Снова повернувшись, она заметила сестру, складывающую рубашку у открытого багажного чемодана. Подойдя, она потрепала Юдзу по плечу, а затем приложила палец к губам, вопросительно глядя на нее.

«Привет, старик», - позвала она. «Мы идем немного размять ноги. Остальное соберем, когда вернемся».

Не дожидаясь ответа, Карин поспешила к двери, за ней по пятам следовала озадаченная Юдзу.

«Карин? Это Нии-тян?»

В свои 19 лет Юдзу была предметом зависти многих в выпускном классе. Она отрастила волосы, и светло-каштановые пряди ниспадали по спине шелковистыми локонами. Она никогда не теряла своей врожденной доброты и материнского характера и в настоящее время стремилась стать художником.

Карин, напротив, сохранила короткую стрижку, и хотя она уже не была такой беззаботной, как в детстве, но все еще оставалась прямой и непосредственной. Вместо того чтобы заняться спортом, как все, даже она сама, ожидали, она собиралась поступать в университет, чтобы изучать медицину, но школа уже мало чему могла ее научить.

Никто, за исключением брата, не знал причины ее нового выбора профессии. В конце концов, она никогда не хотела идти по стопам отца.

Карин и Юзу узнали о войне два года назад. Ичиги усадил их в начале войны и, как мог, объяснил, что происходит, и настоящую причину (ни одна из сестер не поверила Визарду, когда тот заявил, что отец Ишиды взял его в ученики и будет некоторое время усиленно тренировать. Их отец, в свою очередь, был под этим ошибочным впечатлением и плакался об этом Масаки) его внезапного отъезда.

Шел восьмой месяц войны, и Карин не видела брата уже как минимум три месяца. Ичиги обычно заглядывал к ней раз в две-три недели, пусть даже на несколько минут, и его долгое исчезновение страшно раздражало черноволосую девушку, пока она не сдалась и не отправилась в Урахара Шотен. Еще в начале войны брат сказал ей и Юдзу, что если им понадобится помощь духовного характера, то они могут прийти в магазин и попросить Урахару Кисукэ, Шихоин Йоруичи или Цукабиси Тессай.

Карин моргнула, увидев на двери табличку «Закрито», и, проигнорировав ее, достала свой ключ (Ичи-нии был очень внимателен) и протиснулась в магазин. В передней части магазина было тихо, и ее шаги гулко отдавались в пустоте. Она замешкалась и уже собиралась окликнуть продавца, когда до ее слуха донесся тихий стон.

Карин всегда была жесткой, как и вся их семья, но она могла признаться хотя бы самой себе, что в тот день ее охватил душераздирающий ужас. Его вызвала не агония, а тот факт, что в пустом магазине наверняка кто-то пострадал, и очень сильно. Она знала этого «кого-то», знала и любила его и не представляла, что будет делать без него, если он...

Подросток не успела закончить фразу, протиснувшись сквозь двери и комнаты на звук. И то, что она увидела, навсегда врезалось в ее память.

Ее брат лежал на диване, сквозь черную мантию просачивалась кровь, руки были в багровых

пятнах, и Карин могла только смотреть на это.

Ичиго вскинул голову, остекленевшие от боли глаза на мгновение прояснились от беспокойства (беспокойства за неё в его ситуации? - бушевала часть её сознания), но тут же закрылись, и Карин снова опустилась рядом с братом, её руки неуверенно порхали между ними. Она даже не заметила, как сквозь джинсы просочилась неприятная влага, окрасив их в темный красновато-коричневый цвет.

В конце концов она сорвала с себя свитер - который потом сожгла, потому что, хотя пятна крови отстирались, она не могла даже поднять его, чтобы не почувствовать тошноту, - и прижала к ране на животе. Другой рукой она схватила брата за плечо и трясла его изо всех сил, уже полувсхлипывая, истерику сдерживал только прилив адреналина, вызванный тем, что он сейчас умрет.

И тут раздался шквал шагов, и в комнату ворвался остроглазый блондин в нелепой шляпе и сабо, а за ним еще один мужчина, высокий, мускулистый и загорелый. Второй мужчина опустился на пол по другую сторону от Ичиго, а блондин поспешил к ней, отталкивая ее назад и снова и снова заверяя, что с Ичиго все будет в порядке.

После этого брат извинился, крепко обнял ее, и Карин позволила, обняла его так же крепко, потому что если бы в тот день в магазине была только она, если бы не подоспела помощь, то ее брата, яркого, постоянного и важного, уже не было бы здесь, теплого, не ушедшего и живого.

Инцидент был замят, но Карин никогда не забывала о той беспомощности, которую она ощутила в тот день, и осознание того, что значит для Ичиго быть на войне, сильно задело ее. Поэтому в следующий раз, когда отец попросил ее помочь в клинике, Карин сразу же согласилась, ухватившись за любую возможность, которую предлагал доктор. На следующий день после того, как Ичиго пришел домой погостить (и через десять минут снова ушел на поле боя), она купила в лучшем книжном магазине города столько медицинских книг, сколько могла себе позволить. В течение следующих нескольких месяцев она продиралась сквозь медицинские тексты и очистила весь запас научных записей отца. Козлиная морда была в восторге, восклицая, что одна из их дочерей пойдет по его стопам.

Но до этого дело не доходило: раз или два Карин ловила на себе пристальный, задумчивый взгляд отца, который ни разу не пошутил над ее внезапным увлечением медициной. Впрочем, все трое детей Куросаки всегда знали, что воспитавший их человек не такой уж и толстый, каким он себя выставляет.

Юдзу, напротив, была озадачена ее внезапным увлечением медициной, но не стала расспрашивать ее, инстинктивно понимая, что это важно. Вместо этого ее близнец следил за тем, чтобы она ела, уговаривал ее лечь спать, если она засиживалась допоздна, и следил за ее школьными заданиями, когда она была слишком занята изучением «Как зашивать рваные раны» и «Что делать, если началась гангрена».